

Реакция на коммуникабельность партнера

Она, сама не зная, как, через пять минут чувствовала себя страшно-близкой [субститут проксемики] к этому человеку (Р-Коми) ...;

Недоумевание

Наташа оглядывалась на Элен и на отца, как будто спрашивая их, что такое это значило[окулесика] (НедЭ)...;

Позади ее сидел Анатоль [окулесика], и она, чувствуя его близость, испуганно ждала чего-то (НедЭ)...;

Ей так нужно было, чтобы он сказал это слово, которое бы объяснило ей то, что случилось и на которое она бы ему ответила (НедИ)

Реактивные действия Адресата-Жертвы соотносятся как с невербальными, так и с вербальными действиями Актора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Проспект. 2007. С. 492.

ИНФОРМАТИВНОСТЬ АКТА МОЛЧАНИЯ

С.В. КРЕСТИНСКИЙ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается акт молчания через призму постулатов речевого общения Г.П. Грайса. На примерах анализа конкретных коммуникативных ситуаций показывается и обосновывается, что акту молчания присуща категория количества, интерпретируемая как категория информативности.

Ключевые слова: молчание, информативность, импликатура, постулаты Грайса

INFORMATION CONTENT OF SILENCE ACT

S. V. KRESTINSKY

The article deals with the act of silence through the prism of the postulates of speech communication GP Grice. The analysis of specific examples of communicative situations shows and proves that the act of silence is inherent in the category of quantity, interpreted as a category of information content.

Key words: silence, information content, implicature, postulates by Grace

"Истинное молчание могущественно. Человеческая улыбка, мелькнув лишь на мгновение и обратившись в молчание, пересекает астрономические расстояния изоляции и отчуждения, недоверия и страха...".

Лоренс Фримен

Акт молчания, будучи полноценной коммуникативной дискурса и заменяя собой в конкретной коммуникативной ситуации вербальный акт, сохраняя при этом его интенциональное содержание, может быть достаточно информативен для собеседника и способен передавать адресату определённую, очень разнообразную, контекстуально обусловленную информацию, например, согласие или несогласие, обиду, упрёк, удивление, возмущение и т.д. Достаточно вспом-

нить известный шуточный диалог, опубликованный в интернете, под названием «36 видов молчания», в котором весь диалог жены с мужем строится по принципу РА – АМ. Приведу здесь только один небольшой фрагмент:

Она: Дорогой, я должна тебе что-то сказать...

Он: **(заинтересованное молчание)**

Она: Знаешь... Я влюблена.

Он: **(настороженное молчание)**

Она: Нет, не в тебя.

Он: **(огорченное молчание)**

Она: Да... Но я не жалею об этом!

Он: **(осуждающее молчание)**

Она: Ты, наверное, хочешь знать, кто это?

Он: **(утвердительное молчание)**

Она: Это Саша.

Он: **(возмущенное молчание)**

<http://o5we.ru/library/index.php?id=12741&page=2>

Коммуникативные постулаты Г.П. Грайса и порождаемые ими имплицитуры при всём этноспецифическом разнообразии имеют в своей основе общечеловеческие принципы общения, будь то речевое или неречевое взаимодействие. Прежде всего они направлены на обеспечение взаимопонимания при всех возможных отклонениях от нормы. И в этом смысле коммуникативные постулаты и Принцип Кооперации имеют универсальные характер.

Поскольку силенциальный акт, как указывал В. В. Богданов [1986:17], может удовлетворять условиям всех четырех постулатов Г.П. Грайса, а именно:

а) постулату количества, или информативности, так как в конкретном речевом акте молчание всегда информативно;

б) постулату качества, или истинности, так как молчание не бывает ложью;

в) постулату релевантности, так как оно может быть уместным и неуместным;

г) постулату способа, или ясности, поскольку молчание может быть однозначным, – то имеет смысл рассмотреть акт молчания в свете постулатов речевого общения Г.П. Грайса.

Собственно, говорить именно о постуатах в приложении к акту молчания вряд ли будет вполне корректно. Одно дело – рекомендации того, как и сколько следует или не следует говорить, чтобы понимать и быть понятым, другое дело – молчание. Конечно, какие-то постулаты относительно того, как, где и когда лучше молчать или не молчать, в принципе возможны и даже необходимы, но это будут уже постулаты другого рода, но не собственно речевого общения.

Впрочем, по меньшей мере, два постулата молчания уже были сформулированы С. Моэмом:

1) «Never pause unless you have a reason for it, but when pause, pause as long as you can» [«Театр»]и

2) «When you have nothing to say, say nothing» [«Пироги и пиво»].

Но тем не менее, категории речевого общения Г.П. Грайса, будучи универсальными по своей сути и отражающие самые общие принципы коммуникативной деятельности в целом, могут быть вполне приложимы к акту молчания, если рассматривать его как одну из невербальных коммуникативных единиц общения.

В данной статье мы рассмотрим акт молчания только в свете постулата количества. Позволю себе напомнить, как его формулирует Г. П. Грайс [1985:222]:

«Категория Количество связана с тем количеством информации, которое следует передать».

Информации должно быть передано не меньше и не больше, чем это требуется в данной ситуации.

Акт молчания, конечно, не может претендовать на такую постановку вопроса, и здесь нужно говорить не о количестве, а о наличии информации, содержащейся в акте молчания. И в силу этого следует говорить о присущей акту молчания категории Информативности в смысле наличия в нем определённой информации.

Рассмотрим пример.

(1)

— Ладно, успокойся, сказала Анфиса (...) — Что же это вы наделали? Мальчик засопел, надул губы. Молчание мальчика привело Митеньку восторг. Не скажет, истинный бог — не скажет. Это у них военная тайна.

Ф. Абрамов. Братья и сестры.

Данная ситуация построена так, что информация, содержащаяся в молчании мальчика, читается достаточно ясно. Смысл молчания — нежелание говорить, выдать военную тайну — раскрывается через описание поведения мальчика (надул губы, засопел), через реакцию Митеньки на это молчание (привело в восторг) и его последующую реплику с объяснением молчания мальчика, в которой содержится явное одобрение этому мотиву. Кроме того, эта ситуация достаточно ясна благодаря стереотипности ситуации: «некто не хочет/не желает отвечать на вопрос, чтобы что-то /кого-то не выдать». Даже если убрать авторские комментарии и оставить только речевые ходы коммуникантов, то смысл акта молчания все равно останется читаемым:

Анфиса. Ладно, успокойся (...) Что же это вы натворили?

Мальчик. Молчание.

Митенька. Не скажет, истинный бог не скажет. Это у них военная тайна.

Ясно, что молчание мальчика имплицирует (в развернутом виде) следующее: «Я не скажу /отказываюсь говорить, что мы сделали, потому что это — наша тайна. Я не хочу, чтобы вы об этом знали.» Этот неречевой ход — намеренное молчание, с помощью которого коммуникант реализует свою цель — сохранить тайну. Фоном молчания являются эмоциональное состояние мальчика и его социальный статус. Известно, что, когда человек сильно взъярен или напуган, ему бывает трудно говорить, и он молчит. Социальный статус (в дан-

ном случае возраст) также может быть одним из факторов молчания: ребёнок в общении со взрослыми, когда от него требуют в чём-то признаться, или начинает обманывать, или упорно молчит, что, в свою очередь, также может быть вызвано страхом перед возможными санкциями со стороны взрослых.

Таким образом, в более обобщённом виде можно вывести следующую импликатуру этого акта молчания: «X не сказал, что p, потому что X не хочет, чтобы Y знал, что p, потому что Y может его наказать за p.

Другой пример с аналогичной импликатурой — «нежелание говорить»:

(2)

Военный спросил:

А где вы встретились? Ты и Николай? Вы встретились в Березовской?

Алхузур молчал.

[А. Приставкин. Ночевала тучка золотая.] Информативность в приведённом выше примере заключается не только в том, что из этого молчания можно «вычитать» ответ на поставленные вопросы, но и в том, что ясно читаются интенции молчащего и причины этого молчания — нежелание говорить, чтобы не выдать.

Пример другого рода:

(3)

Шабальский: (...) (Анне Петровне) Покойной ночи, прелесть! (Гrimасничает). Гевалт! Жвините, пожалуйста! (Быстро уходит).

Львов. Шут. Пауза; слышны звуки гармоники.

Анна Петровна. Какая скуча!.. Вон кучера и кухарки задают себе бал, а я как брошенная ... Евгений Константинович, где вы там шагаете? Идите сюда, сядьте!..

Львов. Не могу я сидеть. Пауза.

Анна Петровна. На кухне «чижики» играют. (Поет). Пауза. Доктор, у вас есть отец и мать?

[А.П. Чехов. Иванов.]

В этом примере совершенно однозначно раскрыть содержание пауз (актов молчания) весьма трудно. Здесь нет каких-либо авторских указаний на причины и характер молчания коммуникантов, констатируются лишь сам факт прерывания на какое-то время вербальной коммуникации. Однако значимость и информативность этих актов молчания несомненно достаточно велика. Но понять это молчание, вывести импликатуры этих пауз и, следовательно, определить функции и коммуникативную нагрузку можно только с помощью тщательного анализа всей ситуации.

Прежде всего эти акты молчания имеют непреднамеренный характер. Они не являются ответом и сами не вызывают никакой реакции у коммуникантов, как в приведённых выше примерах (1) и (2). Формально они разбивают весь отрывок на несколько тематических блоков: прощание и уход Шабельского, реакция на него Львова, высказывание Анны Петровны, её вопрос ко Львову. Если убрать паузы, то ничего не изменится с точки зрения формального содержания (в то время как в (1) этого сделать нельзя — нарушится связность диалогической цепочки), но уйдёт самое главное — настроение: состояние скучи, безысходно-

сти и подавленности (у АнныПетровны) и нервозности (у Львова), и в целом у всех персонажей – настроение и состояние отчуждённости и замкнутости на своих проблемах: ведь в эти периоды молчания каждый думает о своём, переживает свои проблемы.

Таким образом, коммуникативная нагрузка и коммуникативная импликатура этих актов молчания заключается в том, что они концентрируют в себе и подчёркивают этим эмоциональное состояние коммуникантов, являясь, таким образом, эмоциональным фокусом данного фрагмента. В этой связи следует упомянуть замечание Т. А. Жалагиной о том, что невербальные компоненты коммуникации «не просто дополняют вербальные акты, а иногда выполняют основную функцию реализации интенции коммуниканта» [1989:87].

И молчание в ряду других невербальных компонентов, способных передавать эмоциональное состояние, занимает одно из первых мест. В рассматриваемом примере молчание выполняет дисконтактную функцию, т. е. является знаком отчуждённости коммуникантов. В терминологии С. Бейкера это – отрицательное молчание. Эту импликатуру – невозможность (и нежелание) говорить ввиду соответствующего эмоционального состояния – можно выразить следующим образом: X молчит, потому что он не может / не в состоянии / не желает говорить какое-то время.

Ещё один пример.

(4)

Сын. А ты её любишь?

Отец. Молчание.

Сын. Ну, а эту-то любишь?

Отец. Молчание.

Сын. А что ты вообще любишь?

Отец. Цело.

(Диалог взят из телевизионного фильма)

Даже не зная ситуации, предшествующей этому диалогу, можно утверждать, что импликатуры обоих актов молчания абсолютно понятны. Эти неречевые ходы являются в полном смысле слова ответами, по своей информативности совершенно полноценными и потому хорошо понимаются адресатом, иначе не последовали бы следующие после акта молчания вопросы, продолжающие диалог. При этом именно форма молчания делает эти ответы более выразительными и эмоционально насыщенными, нежели это было бы простое *Nem*.

В заключение следует также заметить, что примеры (1), (2) и (4) полностью отвечают постулату качества, поскольку содержат истинную информацию и не являются ложью; постулату отношения, ибо данные акты молчания в приведённых контекстах вполне уместны; постулату способа, поскольку, как уже отмечалось, информация, содержащаяся в них, вполне однозначна и не вызывает непонимания. Таким образом, в этих ситуациях выдерживается также и принцип Кооперации.

Совсем другая картина в примере (3). Молчание в его дисконтактной функции информирует здесь прежде всего о нарушении принципа Кооперации и отчуждённости действующих лиц. Явно не выдерживается постулат способа:

паузы трудно однозначно проинтерпретировать, возможны многие варианты. Но постулаты отношения и качества выдержаны, поскольку молчание в данной ситуации вполне возможно и уместно в том смысле, что оно невольно, как бы естественно возникает в ситуациях, когда не о чем говорить или просто не хочется говорить, но говорить о чём-то все-таки нужно; и соответственно оно не является ложным, поскольку выражает эмоциональное состояние коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, В.В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.
2. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М, 1985.
3. Жалагина, Т. А. Роль вербальных и невербальных компонентов в формировании фокуса внимания И Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.
4. Baker, S.J. Theory of Silence II The Journal of General Psychology 1955. N53.
5. <http://o5we.ru/library/index.php?id=12741&page=2>

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС»

Н.В. КУЛАБУХОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», г. Калуга

В данной статье рассматриваются различные понимания политического дискурса, роль языковой личности в политических дебатах, приводится классификация диалогического дискурса, порождаемого в определенных сферах применения языка.

Ключевые слова: политический дискурс, политический язык, языковая личность, диалогический дискурс, институциональный дискурс.

THE DEFINITION OF THE CONCEPT “POLITICAL DISCOURSE”

N. V. KULABUKHOV

In the following article, we examine different interpretations of political discourse, the role of the linguistic personality in political debates. We also give the classification of dialogic discourse, which is created in certain spheres of the use of language.

Key words: political discourse, political language, linguistic personality, dialogic discourse, institutional discourse.

Общепринятого определения политического дискурса на сегодняшний день пока не существует. Политический дискурс понимается как совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенным опытом [1, с. 6]. Ю.А. Сорокин определяет политический дискурс как разновидность идеологического дискурса, различие которых состоит в эксплицитно и имплицитно выраженной прагматичности [6, с. 57]. В нашем исследовании мы возьмем за основу определение С.Б. Верещагина. Итак, *политический дискурс* (в узком понимании) – жанр, целью которого является обсуждение поставленной темы посредством аргументированных высказываний, ограниченных рамками опреде-